

**STUDIA
CULTURAE**

4(38)

**2018
SAINT-PETERSBURG**

STUDIA CULTURAE

Выпуск 4 (38)

STUDIA CULTURAE TOM 4, № 38, 2018

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	Борис Соколов (Россия) СПбГУ
ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	Александр Колосков (Россия) СПбГУ
ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР	Лариса Морина (Россия) СПбГУ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ	Юлия Мальцева (Россия) СПбГУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ НАУЧНОГО СОВЕТА	Дмитрий Прокудин (Россия) СПбГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Райганат Абакарова (Россия); Анатолий Алексеев-Апраксин (Россия); Бартоло Гарильо (Италия); Ральф Беккер (Германия); Александр Величенко (Украина); Серик Джунусбаев (Казахстан); Андрей Сергеев (Россия); Павел Мартысюк (Белоруссия); Леон Миодоньский (Польша); Арто Хаапала (Финляндия).

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

Тициана Андина (Италия); Володимир Бугров (Украина); Жанна Николаева (Россия); Александр Замалеев (Россия); Ян Красицкий (Польша); Игорь Ларионов (Россия); Никита Ноговицын (Россия); Лада Шиповалова (Россия); Артём Радеев (Россия); Майя Соболева (Германия); Александр Соловьев (Россия); Эрдэнэцогт Сонинтогос (Монголия); Екатерина Сурова (Россия); Елена Устюгова (Россия); Людмила Клюкина (Россия).

ISSN печатной версии: 2225–3211

ISSN он–лайн версии: 2310–1245

Информация о журнале размещена на сайте: <http://iculture.spb.ru>

Публикуемые материалы проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Журнал входит в базу данных РИНЦ.

© Studia Culturae, 2018

© Авторы статей, 2018

STUDIA CULTURAE VOLUME 4, № 38, 2018

EDITOR-IN-CHIEF	Boris Sokolov (Russia) SPBU
DEPUTY CHIEF EDITOR	Alexander Koloskov (Russia) SPBU
COMMISSIONING EDITOR	Larisa Morina (Russia) SPBU
EDITORIAL ASSISTANT	Julia Maltseva (Russia) SPBU
CHAIRMAN OF ADVISORY BOARD	Dmitry Prokudin (Russia) SPBU

EDITORIAL BOARD

Rayganat Abakarova (Russia); Anatoly Alekseev-Apraksin (Russia); Bartolo Gariglio (Italy); Ralf Becker (Germany); Alexander Velichenko (Ukraine); Serik Dzhunusbayev (Kazakhstan); Andrey Sergeev (Russia); Pavel Martysyuk (Belarus); Leon Miodonski (Poland); Arto Haapala (Finland).

ADVISORY BOARD

Tiziana Andina (Italy); Volodimir Bugrov (Ukraine); Jeanne Nikolaeva (Russia); Alexander Zamaleev (Russia); Jan Krasitski (Poland); Igor Larionov (Russia); Nikita Nogovitsyn (Russia); Lada Shipovalova (Russia); Artyom Radeev (Russia); Maya Soboleva (Germany); Alexander Solovyov (Russia); Erdenetsogt Sonintogos (Mongolia); Ekaterina Surova (Russia); Elena Ustyugova (Russia); Lyudmila Klyukina (Russia).

ISSN (printing version): 2225–3211

ISSN (online version): 2310–1245

Official site of the journal: <http://iculture.spb.ru>

The published materials undergo procedure of reviewing and expert selection

The journal is indexed by RISC

© Studia Culturae, 2018
© Authors of the issue, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACADEMIA

А.В. АПЫХТИН

Н.О. НОГОВИЦЫН

КЛАСТЕР КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА – ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ИНОБЫТИЕ
ТЕКСТУАЛЬНОГО

A.V. APYKHITIN

N.O. NOGOVITSYN

CLUSTER AS A FORM OF TEXT ORGANIZATION – PRODUCTION AS A FORMATION OF TEXTUAL.....7

А.Н. КОЛОСКОВ

ПАРАДИГМАТИКА ОВЕЩЕСТВЛЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В КУЛЬТУРЕ.
«ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЗМ». ЦЕНЗУРА

A.N. KOLOSKOV

PARADIGMATICS OF OBJECTIFICATION OF THE ART TEXT IN CULTURE. «LITERATUROCENTRIZM».

CENSORSHIP..... 25

Б.Г. СОКОЛОВ

ФЕНОМЕНОЛОГО-СИМВОЛИЧЕСКАЯ ДЕСКРИПЦИЯ ДОМА Г. БАШЛЯРА

B.G. SOKOLOV

PHENOMENOLOGO-SYMBOLIC DESCRIPTION OF HOME OF GASTON BACHELARD..... 34

К.А. КАПЕЛЬЧУК

ТРАВМА: ОТ ПОВТОРЕНИЯ К РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ОБРАТНО

K. A. KAPELCHUK

TRAUMA: FROM REPETITION TO REPRESENTATION AND BACK 43

О.Н. ЧЕРНЫХ

КЛАСТЕРНЫЙ АСПЕКТ СЕТЕВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

O.N. CHERNYCH

CLUSTER ASPECT OF NETWORK INTERACTIONS..... 53

А. В. РЫКОВ

ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ. «ДРАМА» ОНОРЕ ДОМЬЕ

A. V. RYKOV

THE SOCIETY OF THE SPECTACLE. HONORE DAUMIER'S «DRAMA»..... 63

В.М. ДИАНОВА

МОДЕРН И ПОСТМОДЕРН В ТРАКТОВКАХ ВОЛЬФГАНГА ВЕЛЬША (РЕФЕРАТИВНОЕ
ИЗЛОЖЕНИЕ КНИГИ «НАШ ПОСТМОДЕРНЫЙ МОДЕРН»)

V.M. DIANOVA

MODERN AND POSTMODERN IN WOLFGANG WELSCH' INTERPRETATIONS (ABSTRACT
PRESENTATION OF THE BOOK «UNSERE POSTMODERNE MODERNE»)..... 71

Ш.И. КАЛИАЖДАРОВА

С.В. АШЕНОВА

СМИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НЕЗАВИСИМОГО КАЗАХСТАНА: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

SH.I. KALIAZH DAROVA

S.V. ASHENOVA

MASS MEDIA IN THE MODERN HISTORY OF INDEPENDENT KAZAKHSTAN: STAGES OF DEVELOPMENT AND PROSPECTS 79

Д.М. МАЛАМАГОМЕДОВ

АРАБОГРАФИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РАННЕСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА НА АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ 1917-1930 ГГ.

D. M. MALAMAGOMEDOV

NEWSPAPERS IN THE ARABIC SCRIPT OF THE EARLY SOVIET PERIOD, THE AVAR LANGUAGE 1917-1930. 94

БОРБАЛА ОБРУСАНСКИ

СЛЕДЫ ГУННОВ В ИБЕРИИ

BORBALA OBRUSANSZKY

TRACES OF HUNS IN IBERIA 112

SCHOLAE

Г.С. АНДРЕЕВ

СОВРЕМЕННАЯ АНТИУТОПИЯ – УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

G. S. ANDREEV

CONTEMPORARY ANTI-UTOPIA – UTOPIA OR REALITY? 123

Г.Г. ДАВЛЕТШИНА

ПЕРЕХОД ОТ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ К ПРОТЕСТНОЙ ПРАКТИКЕ В СТУДЕНЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЯХ В ИТАЛИИ В 1960-1970 ГОДЫ

G.G. DAVLETSHINA

TRANSITION FROM PHILOSOPHICAL CRITIQUE OF CONSUMER SOCIETY TO PROTEST PRACTICE AMONG STUDENT MOVEMENTS IN ITALY IN THE 1960-1970S 131

Д.С. ПОПОВ

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАРРАТИВНЫХ ОБРАЗОВ СТОИЦИЗМА В МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

D. S. POPOV

TRANSFORMATION OF THE NARRATIVE IMAGES OF STOICISM IN THE WORLD LITERATURE OF THE LATE 19TH AND THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY 139

А.И. РЕЗВУХИНА (МЛ.)

ИТОГИ ПРОЕКТА «ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЯ В СИТУАЦИИ КРИЗИСА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ»

A.I. REZVUKHINA (JR.)

THE OUTCOMES OF PROJECT «THE MEMORY OF GENERATIONS IN A CRISIS OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS» 149

Academia

Studia Culturae: Вып. 4 (38): Academia: A.B. Апыхтин, Н.О. Ноговицын. С. 7-24.

A.V. АПЫХТИН

*Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет*

Н.О. НОГОВИЦЫН

*Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет*

КЛАСТЕР КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА – ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ИНОБЫТИЕ ТЕКСТУАЛЬНОГО

Понятие кластера возникло в математике и последние 40 лет активно используется в экономическом анализе и в социологии. Особенность кластерных структур и интерес к ним связан с тем, что они позволяют объяснить существование самоорганизующихся структур в культурном пространстве. В XX-нач.XXI вв. европейская культура поставила под сомнение существование автора, а затем и статус читателя. В результате классическое понимание текста как способа передачи информации от автора к реципиенту оказалось поставлено под сомнение. Происходящие параллельно изменения в техническом горизонте коммуникации привели к изменениям в структуре полагания смысла, которые позволили создать достаточно оригинальную модель смыслополагания, в которой текст утратил свою линейность и превратился в децентрализованную структуру. В результате одним из возможных способов создания онтологической модели текста стала кластерная модель. В данной статье авторы излагают некоторые возможные подходы к тексту как к кластеру знаков, формирующему определенную последовательность смыслов.

Ключевые слова: кластер, культура современности, инфраструктурное понятие сознания, неклассический идеал/кризис рациональности, дифференция смыслов и значений в системе культуры как культурное производство, текст.

Исследование профинансировано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) в соответствии с исследовательским проектом № 18-011-00977 («Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика»).

A.V. АРУКХТИН

*PhD in Philosophy, Senior Lecturer
Saint Petersburg State University*

N.O. NOGOVITSYN

PhD in Philosophy, Associate Professor

Saint-Petersburg State University

CLUSTER AS A FORM OF TEXT ORGANIZATION – PRODUCTION AS A FORMATION OF TEXTUAL

The concept of a cluster has arisen in mathematics and has been actively used in economic analysis and sociology for the last 40 years. The peculiarity of cluster structures and interest in them is due to the fact that they allow us to explain the existence of self-organizing structures in the cultural space. In the twentieth century, European culture questioned the existence of the author, and then the status of the reader. As a result, the classical understanding of the text as a method of transmitting information from the author to the recipient was called into question. Concurrent changes in the technical horizon of communication led to changes in the structure of putting meaning, which allowed creating a rather original model of sense-setting, in which the text lost its linearity and turned into a decentralized structure. As a result, a cluster model became one of the possible ways to create an ontological text model. In this article, the authors present some possible approaches to the text as a cluster of characters that forms a certain sequence of meanings.

Keywords: cluster, culture of contemporaneity, infrastructural concept of consciousness, non-classical ideal/crisis of rationality, differentiation of sense and meanings in the culture-system, as a kind of cultural production, text

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project № 18-011-00977.

Гипертекст и кибертекст как формы кластерных структур

Распространение глобальной информационной сети привело к появлению повседневной культуре такой формы коммуникации как гипертекст. Первоначально гипертекст был лишь техническим дополнением к стандартной опции выбора возможностей, но со временем он стал вполне самостоятельным феноменом культуры. Быстрее всего он перешел в литературу. И, если задним числом он обнаруживается даже у Джойса, то в современной культуре он используется все чаще и чаще, а использование это становится все сложнее игнорировать.

Принципиальным отличием гипертекста от обычного является его нелинейность. Классический текст дан как определенная последовательность знаков, порождающая смысловой ряд. Проскочить или пропустить фрагмент текста можно, но только с утратой целостности смысла. Именно через эту целостность чаще всего обнаруживались в тексте и автор, и читатель. Идея гипертекста практически исключает все три этих концепта. Гипертекст не обладает линейностью, так как по сути своей состоит из набора ссылок, порядок которых сгенерирован без всякой логики. Классический гипертекст основан на модели web 2.0, которая фактически делает невозможной существование единого (хотя бы в каком-то смысле) автора. Соответственно, исчезает и образ читателя –

как того, кто постигает целостность замысла. Текст превращается в некий аналог кластера – множества элементов, которые согласованы между собой функционально и территориально, но при этом возникает во многом случайно, без претензии на некое целеполагание.

Надо сказать, что формирование кластерных структур, как и формата гипертекста, предшествовало появлению интернета. В качестве бумажного примера литературного развертывания гипертекстовой структуры можно взять роман замечательного американского писателя Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49». Роман был издан в 1966 году и оказался провальным потому что не обладал должной для того времени целостностью. Он содержал такое количество отсылок к историческим событиям и перекрестных ссылок, что для его понимания одного текста было мало. Точнее, роман выглядел понятным, но слишком запутанным и нелогичным. Такая структура легко могла бы быть реализована в современном интернете, где ссылки подчас делаются автоматически. В классическом формате книга читалась плохо, что и вызвало недовольство читателей.

В модели гипертекста заложена одновременно избыточность и недостаточность. Такой текст избыточен в плане в горизонте данных, но, в то же время, недостаточен в плане фактов. Эта структура, с одной стороны, порождается технологией, но, с другой стороны, она отражает некие вполне определенные элементы нашего мышления. В гипертексте различные утверждения обосновывают друг друга, в случае противоречия между ними истинным оказывается то, которое согласуется с как можно большим количеством других источников. В этом смысле гипертекст даже в первоначально виде оказывается близок к модели кластера. Единственным серьезным исключением является то, что он не является децентрализованным – всегда есть некий центр, вокруг которого выстраиваются все остальные базовые модели.

До предела идея гипертекста доводится в формате эргодического письма. Термин эргодическое письмо ввел шведский писатель и философ Эспен Аарсет (См. *Espen J. Aarseth. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*, John Hopkins University Press, 1997. P.216). По Аарсету эргодическое письмо – это текст, который сопротивляется прочтению. И это сопротивление не стилистическое, а эстетическое. К этой группе относятся тексты, которые не позволяют себе быть прочтенными без должных усилий со стороны читателя. Одним из наиболее популярных приемов оказывается нелинейность текста. В эргодическом романе текст не является гладким, не позволяет читателю просто скользить по его поверхности или нырять местами «в глубину». Вместо этого он требует постоянных перескоков, прыжков и переходов между различными своими

частями.

Примерами эргодической литературы являются тексты Милорада Павича «Хазарский словарь», Хулио Кортасара «Игра в классики», Владимира Набокова «Бледное пламя» и др. Возможно, вершиной такого типа текста оказался роман замечательного латиноамериканского писателя Роберто Боланьо «2666» (опубликована в 2003 году). Этот огромный текст (около 1000 страниц) содержит более 100 различных, не связанных на первый взгляд между собой историй. Каждая история, при этом, не соответствует канонам литературы, т.е. не обладает завершенным сюжетом. Единственное, что объединяет все эти истории – это смерть и страдание, которые присутствуют буквально в каждом рассказе. Многие истории пересекаются друг с другом, образуя огромный и запутанный лабиринт. Своеобразную красоту этому проекту придает его незавершенность, причиной которой оказалась внезапная смерть автора, сделавшая текст открытым целым. Это произведение воплощает собой тот принцип кибертекста, который является ключевым в нашем исследовании – кибертекст требует присутствия читателя «здесь и сейчас» и, в то же время «везде». Для понимания необходимо видеть как всю книгу в целом, так и его фрагменты во всей их отдельности. Согласно Аарсету, здесь напрашивается сходство с женским мышлением, поэтому он часто называет эргодическую литературу феминистической. В эргодических текстах литература максимально приблизилась к форме кластера. Эргодический текст по сути своей не имеет центра – первоначально это достигалось за счет нелинейной формы текста, и эргодическая литература была исключительно эстетическим приемом, позволяющим реализовать самые разнообразные художественные замыслы, пока не воплотилась в формате техники. Технические модификации позволили сделать текст полностью децентрализованным. В техническом исполнении этот тип литературы больше похож не на гипертекст, а на кибертекст (термин самого Аарсета). Главным отличием кибертекста от гипертекста является то, что в кибертексте ссылки постоянно оказываются «битыми» и не ведут никуда.

Кибертекст потенциально обладает кластерной структурой, но эта структура оказывается своеобразным образом «сломана». В концепции Бодрийера, феномен возникновения гаджета как вещи с избыточной функциональностью лишь подтверждает явное отсутствие базовых функций у современных ей вещей. Здесь же избыточная нелинейность кибертекста является предельной реализацией модели кластера. Каждый элемент текста настолько явно утверждает смысл целого, что связи между ними оказываются неким образом избыточны и излишни.

Техническая реализация гипертекста относится ко второй половине XX

века. Первоначально термин гипертекст использовался для обозначения технического множества текстов, существующих параллельно не пересекающихся буквально, но объединенных перекрестными ссылками. Он был придуман знаменитым американским философом и социологом Теодором Нельсоном (род. 1937) в 1965 году в докладе в докладе «Файловая структура для сложного, меняющегося и окончательно неопределимого» («Complex information processing: a file structure for the complex, the changing and the indeterminate» // Association for Computing Machinery: Proceedings of the 20th National Conference. Ed. Lewis Winner: 84-100, Cleveland (Canada). Режим доступа: 2017-10-25). Термин был введен для того, чтобы показать, как постоянно растущий объем данных информационной сети может быть доступным для пользователя. Основным отличием гипертекста на тот момент было то, что он позволял самым разным текстам пересекаться одновременно и делал доступным любую точку текста в любой момент времени. Альтернативами гипертексту были модели, разворачивающие данные во всей последовательности, в виде иерархического древа данных. Гипертекст многократно критиковали за то, что он создает неупорядоченное множество текстов, доступность и объем которого практически невозможно проконтролировать. Компьютерную модель гипертекста одним из первых определил Джордж Лэндоу, который в 1992 году описал ее как «текст, состоящий из блоков слов или изображений, соединенных электронными адресами, связками или маршрутами в бесконечном, постоянно незавершенном множестве текстов, описываемом терминами ссылка, нода, сеть, веб и адрес». Лэндоу также предположил, что гипертекст может быть реализован и на бумаге. В этом случае заменой электронных адресов окажутся символические связи. При этом, внутренним связующим элементом для всего множества текстов будут отдельно взятые слова или фразы, которые выстраиваются по определенному алгоритму. Структура гипертекста особенно хорошо видна в русской Википедии, в которой многие термины оказываются ссылками автоматически, но не ведут ни к каким конкретным страницам, так как «страница для этого термина еще не была создана».

Кибертекст, в отличие от гипертекста, основан не на статичных ссылках и переходах, но на постоянно меняющемся алгоритме. Этот алгоритм может зависеть от настроения или позиции читателя, а может быть основан на выборке случайных чисел. Он постоянно изменяется. Если гипертекст один для большинства пользователей, то кибертекст выстраивает различные маршруты прохождения, индивидуальные для каждого читателя. Аарсет пишет о том, что кибертекст оказывается «не метафорой, но вполне реальным механическим устройством,

рассчитанным на производство и потребление знаков» (*Aarseth, Espen J. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*, John Hopkins University Press, 1997. P.76).

Автор предстает здесь не автором текста, но создателем алгоритма, программы. Языком (мы попробуем остановиться на этой мысли подробнее чуть позже) – генератор случайных чисел или самообучающаяся нейросеть. Место же читателя оказывается фактически излишним, ведь он является лишь средой развертывания одной из возможных серий событий, которая имеет лишь косвенное отношение к целому тексту.

Примером компьютерного кибертекста может быть «Сто тысяч миллиардов стихотворений французского поэта» Раймона Кено. Книга является сборником стихов, который содержит десять сонетов; каждая строка каждого сонета напечатана на отдельной полоске. Поскольку все сонеты имеют одинаковую схему рифмовки и одинаковые рифмы, строки можно комбинировать в любом порядке, открывая соответствующую полоску из каждого сонета. Количество потенциальных комбинаций огромно: 140 строк, содержащихся в десяти сонетах, дают возможность составить 1014 стихотворений, то есть число, заявленное в заглавии (100 000 000 000 000). На момент выхода сборника (умещавшегося на 38 страницах) это число превосходило количество не только всех когда-либо написанных сонетов, но и вообще всех текстов, созданных человечеством к тому времени (*Roland Greene & Co. OULIPO // The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics*. P. 987).

Кено считал, что подобная машина для производства стихов воплощает бесконечность возможных произведений, исчерпать которую практически невозможно. Данное произведение, созданное в докомпьютерную эпоху, настолько удачно ложится на современные технологии буквально воспроизводит, например, работу практически любой поисковой машины. Современные алгоритмы поиска направлены на абсолютно индивидуальную выдачу результатов. Она может зависеть от самого пользователя, наиболее часто посещаемых им страниц, типичных для него поисковых запросов и даже его местоположения. Пользователь повлиять на это процесс не может практически никак. Множество сайтов оказываются увязаны в практически бесконечную цепочку последовательностей, каждая из которых выстраивается индивидуально.

В этом произведении читатель практически отсутствует, он – лишь пространство или плоскость для развертывания целого произведения. Попытка формализовать кибертекст приводит к развертыванию кластерной структуры, причем близкой к идеальной. В кибертексте структура формирования высказывания вообще не обладает линейностью.

Различные суждения подкрепляют и обосновывают друг друга. Конфликты и противоречия изначально исключены самой формой высказывания. При этом, текст не имеет единого смыслового центра, но сюжет формируется заново, в зависимости от того, как именно разворачивается текст.

Изменение формы текста неизбежно должно сказываться на процедуре подтверждения истинности или ложности текста. Современные технологии фактически трансформируют ту картину мира, в которой живут современные люди и, следовательно, влияют на окружающие нас социокультурные процессы. Помимо всего прочего это неизбежно сказывается на том определении истины и истинности, которое становится базовым в этой культурной ситуации.

В книге «Добро пожаловать в пустыню реальности» Славой Жижек показывает, что современные медиа влияют на саму реальность. Жижек принадлежит к той традиции, которая полагает в качестве реальности не столько внеположенную познающему субъекту сущность, сколько тот образ мира, который является реальным. Мы можем вслед за Жижеком, говорить о том, что форма коммуникации структурирует саму реальность. Источником (или исходником) этого процесса оказывается форма коммуникации. «Виртуальная реальность просто генерализует эту процедуру предложения продукта, лишённого своей субстанции: она обеспечивает саму реальность, лишённую своей субстанции, сопротивляющуюся твердому ядру Реального – точно так же, как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является, виртуальная реальность переживается как реальность, не будучи таковой. Однако в конце этого процесса виртуализации мы начинаем переживать саму «реальную действительность» как виртуальную» [1]. Другими словами, виртуальность раскрывает перед нами реальность устроенную по модели кластера – так, что вещи в ней обосновывают и определяют друг друга, удерживая субъекта в заданных рамках за счет внутренних отношений.

Виртуальность сама по себе создает модель мира, в которой она становится реальнее того, что раньше называлось реальностью. Последствием этого, по Жижеку, оказывается то, что вещи тоже перестают быть реальными и переходят в сферу виртуального. «На современном рынке мы находим множество продуктов, лишённых своих злокачественных свойств: кофе без кофеина, сливки без жира, безалкогольное пиво... И список можно продолжить: как насчет виртуального секса как секса без секса, доктрины войны без потерь (с нашей стороны, конечно) Колина Пауэлла как войны без войны, современного переопределения политики в качестве искусства квалифицированного управления как политики без политики, вплоть до

терпимого либерального мультикультурализма как опыта Другого, лишенного своей «другости» [2]. Меняются вещи, меняются общественные отношения и устои. Фактически, большая часть европейской культуры оказывается в ситуации постоянного изменения и трансформации.

Происходящие изменения становятся настолько очевидными, что могут быть описаны и вне рефлексивного анализа, например, они уже могут быть проанализированы в газетах. В качестве примера приведем текст политического обозревателя и журналиста Адама Гопника «Век фактов закончился» (Gopnik A. The Age of Fact is over // New Yorker Feb 07, 2011). В этом тексте автор анализирует достаточно приземленные сюжеты - он пишет о том, как американские политики обращаются с языком и фактами. Он показывает, что классический аргумент политических дебатов «это ложь!» практически не используется современными политиками. Вместо этого политики все чаще обращаются к высказываниям, суждениям, образам и сюжетам, которые находятся вне категории истинности. Другими словами, суждения в политике обращены не к реальному, а к символическому. Категория истинности, как и механизмы ее проверки, сформировались вместе с научным познанием в основном в Новое время. Современная медиакультура, по мнению Гопника, пользуется принципиально иными механизмами проверки истинности, намного более архаичными. В качестве примера подобных механизмов он выделяет «Суд в битве и ордалию, полагающие суждение в Руки Божьи».

Этот возврат к архаичным механизмам был инспирирован, помимо всего прочего, современными технологиями. «Эпоха фактов подходит к концу: то место, которое было занято «фактами», сейчас постепенно занимают данные» [2]. Данные оказываются важнее фактов не потому, что они добываются автоматически разными формами искусственного интеллекта, а из-за того, что люди больше не доверяют фактам. Быть истинным в этом контексте значит быть обоснованным и верифицированным через взаимное отношение с другими компонентами кластерной структуры.

Кластер как форма текста изначально предполагает, что факты могут и должны быть ложными. Понятно, что речь идет не о научных фактах, а о той платоновской «тени» науки, которая попадает в пределы повседневной коммуникации. Достаточно типичной оказывается фраза американского комика Стивена Кольберта, который, в одном из своих шоу, изображая президента Америки Джорджа Буша, говорил «Я не доверяю книгам. В них мы видим одни факты, ничего душевного. А факты – это именно то, что разрывает нашу страну на части». Президент ничего такого никогда не говорил, но слова комика для многих избирателей

оказались более реальными и убедительными, чем речи политика.

Мы можем говорить о том, что медийные текст формируют некий базовый кластер знаний, и благодаря этому данные поисковых машин вроде Гугла выглядят для многих людей более убедительными, чем слова Стивена Кольберта и намного более убедительными, чем те мысли, тексты и факты, которые мы видим, слышим и читаем в различных медиаформатах. Утверждение Жижека, что виртуальность становится абсолютно реальной, становится достоянием общественности. Реальность виртуального оказывается общепризнанной и всем понятной. И это странно, потому что типичная и распространенная модель описания действия СМИ часто прибегает к неосознанности убеждения, предполагает, что люди не замечают подмены. Переход от телевидения и газет к технологиям интернета привел к тому, что восприятие виртуальности стало осознанным и продуманным.

Таким образом, подход к проблеме истинности кластерных текстов изначально предполагает, что быть истинным значит быть согласованным с другими элементами данной структуры. Этот критерий истинности возникает в кластерных структурах, но отлично подходит и к медийным текстам в ситуации Пост-современности.

Текст и культурная дифференция по инфраструктурной стратегии.

Кластер проще всего описать инфраструктурную парадигму, или макет, сознания, с центрированием последнего на «хиазме», к коему присоединяются грани дистрибутирования смыслов и готовых слов «риторической культуры», интратекстуально разыгрывающихся в рамках так называемого «структурного анализа» сознания, понятого как особого рода эстетизирующий конгломерат. В этом измерении культурного пространства и лежит (преднаходима) кластерность, эта чуждость ситуации «неполного знания», по М. Мамардашвили [3].

Тут уместно будет вспомнить метод деконструктивизма как успешно работавшего с прообразом кластерности – а именно, с операциональным сознанием, как синонимом культуры Постсовременности. Ведь суммирование новаций в среде культурных феноменов, проведенное по понятию инфраструктуры, впервые только и получает онтологический статус вместе с мотивом дальнейшего развертывания. Тем самым импульс (*impetus*) вернуться назад в традицию, парадоксально выражаясь, динамизирует самое культуру. Одной из иллюстраций этого положения вещей в настоящем, среди прочего, может служить следующее. Отец стратегии деконструкции, Ж. Деррида, в своем анализе Платонова «Федра» указывает на то, что у Платона, наряду с порицанием письменности (культуры письма), по ясным для античности основаниям,

STUDIA CULTURAE
ТОМ 4, № 38 2018

- ББК 87 Studia Culturae. 4 (38) 2018. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры, 2018. – 162 с.
- S 60 В очередной выпуск журнала вошли научные статьи, посвященные изучению актуальных проблем теории и истории культуры, философии культуры, эстетики и философии искусства, истории и культурологи областничества. Издание предназначено для всех, интересующихся философией, культурой и искусством.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б.Г. Соколов

МАКЕТ

Ю.М. Мальцева

ДИЗАЙН ОБЛОЖКИ

Е. Соколова

Подписано в печать 27/12/2018

